

Устойчивые показатели нейтрального фатического общения в испанском языке

Стахнова Ольга Владимировна
Белорусский государственный университет,
г. Минск

E-mail: stakhnova@mail.ru

Аннотация. Фатическое общение связано с регулированием социального взаимодействия. В классическом понимании такое регулирование направлено на обеспечение благоприятных условий общения на основе взаимной вежливости и предупредительности. Но в последние десятилетия в рамках фатического стали рассматривать общение, характеризующееся признаками отклонения от принятых норм.

Статья посвящена той области фатики, которая связана с нарушением равновесия в общении, что проявляется в различной степени активности общающихся. Выявление способов, которыми осуществляется этот тип речевого взаимодействия, может быть весьма полезным в практике преподавания испанского языка как иностранного.

Ключевые слова: фатическое общение, область нейтральной фатики, нарушение равновесия в общении, маркеры (устойчивые показатели).

Известно, что впервые понятие *фатический* (и соответствующий термин) вошло в научный обиход в начале 20-х годов XX века благодаря Б. Малиновскому, обратившему внимание на такое использование языка, при котором посредством простого обмена словами люди стремятся не столько передавать друг другу какую-то информацию, сколько устанавливать и выражать таким образом свою принадлежность к единому сообществу [1, с. 315]. Исходя из этой первоначальной установки, фатическое общение должно строиться на взаимном уважении личностей собеседников, взаимной заинтересованности в мыслях и чувствах партнеров.

Но часто уравновешенность позиций общающихся нарушается в пользу одного из собеседников, который отказывается от принципа полной солидарности и, по сути, действует в ущерб интересам другого. Такое рассогласование, однако, не выходит за рамки вежливости. Эту разновидность общения в современ-

ной лингвистике также относят к фатическому и называют нейтральным фатическим общением [2, с. 30-32].

Цель статьи заключается в выявлении на материале испанского языка маркеров (формальных показателей) области нейтральной фатики.

Анализ драматических произведений испанских авторов позволил выделить маркеры на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Так, на лексическом уровне показательны имена собственные / обозначение родственных связей. Они используются для того, чтобы прервать собеседника.

Прерывание собеседника принято рассматривать как попытку воздействовать в диалоге. Чтобы усилить воздействующий потенциал такого речевого поведения, в испанской культуре используются высказывания, состоящие из имени собственного / обозначения родственных связей. Выбор этот неслучаен. Имя человека присвоено ему при рождении и сопровождает его от первых дней жизни до последних. Когда произносят имя человека – символ личности – подчеркивают значение этой личности, таким образом, с одной стороны, воздействующий потенциал высказывания, содержащего имя собственное, усиливается, с другой стороны, не умаляется значимость личности.

Manolín. – < ... > *Prefiero que me regales una cajetilla de tabaco.*

Trini. – *No lo sueñes.*

Rosa. – < ... > *Yo también te quiero mucho. ¿Es que no me quieres tú?*

Manolín. – *No.*

Rosa. – *¿Por qué?*

Manolín. – *Porque eres vieja y gruñona.*

Trini. – *(Enfadada.) ¡ Manolín!* М: – Предпочитаю, чтобы ты мне подарила пачку сигарет. / Т: – И не мечтай. / < ... > Р: – Я тоже тебя очень люблю. А разве ты меня не любишь? / М: – Нет. / Р: – Почему? / М: – Потому что ты старая и ворчливая. / Т: – (Обиженно.) Манолин! [3, р. 134].

Несмотря на то, что речь в приведенном примере идет о людях разного возраста и старший участник диалога имеет некоторые преимущества, он прибегает к использованию имени собственного с целью прервать собеседника. Говорящий имплицитно сообщает, что неприемлемыми для него являются высказывания, а не личность адресата. Это в свою очередь позволяет не увести диалог в плоскость конфликта.

Ярким маркирующим средством выступают глаголы *creer* / *pensar* ‘думать, полагать’. Они сопровождают выражение совета, рекомендации. При этом проанализированные примеры показывают, что совет не был запрошен адресатом. То есть, говорящий вторгается в личную сферу собеседника, оказывая воздействие на адресата. Такое воздействие усиливается за счет выражения субъек-

ективной оценки адресанта при помощи глаголов *creer / pensar*. Баланс в общении нарушается.

Samuel. – *Creo que un cambio de aires te convendría. A ti y a los que te rodean.*

Ignacio. – *No te empeñes. Es inútil. No me puedo marchar.* ’ С: – Я думаю, что смена климата пошла бы тебе на пользу. Тебе и тем, кто тебя окружает./ И: – Не настаивай. Это бесполезно. Я не могу уехать ’ [4, p. 60].

Адресант берет инициативу в общении самостоятельно, затрагивая пространство собеседника. Однако такой дисбаланс не ведет к конфликту, так как адресант свое воздействие маскирует под простое выражение собственного мнения при помощи глагола *creer*, а также формально осуществляет действие в интересах собеседника (дает совет).

Глагол *suponer* (*полагать*), как и *creer / pensar*, относится к средствам выражения субъективной оценки. Если предположение высказывается в отношении адресата, то оно также содержит в себе скрытое побуждение адресата согласиться с высказываемой адресантом позицией.

При этом глагол *suponer* (*полагать*) встречается в сочетании с другим глаголом, употребляемым в одном из будущих времен: Futuro simple, Futuro compuesto, ’ простое будущее, сложное будущее '. Кроме того, в нашем материале глагол в каждом из указанных времен сопровождается отрицательной частицей *no*.

Elena. – *Supongo, además, que no habrás creído una sola palabra de todo lo que ha dicho de mí.*

Alfredo. – *En absoluto.* ’ Э: – Полагаю, кроме того, что ты не поверил ни одному слову из всего, что он сказал обо мне. / А: – Ни в коем случае ’ [5, p. 498].

Любопытно, что, несмотря на некоторую долю неуверенности, заложенную в семантике глагола *suponer*, в конкретной прагматической ситуации он используется для изложения уверенной точки зрения, не предусматривающей альтернатив. Употребление глагола *suponer* в сочетании с Futuro compuesto помогает говорящему выразить определенную уверенность в своих суждениях. В приведенном примере высказывание адресанта может быть раскрыто приблизительно следующим образом: «Ты не должен верить тому, что он говорит обо мне. Это – ложь».

В семантической структуре выражений *es mejor que / mejor que* заключена субъективная оценка говорящего. Они в нашем материале встретились в высказываниях, связанных с советом, который дает говорящий своему собеседнику. Формально такое речевое действие осуществляется в интересах собеседника, но так как совет не был запрошен, он нарушает баланс в общении.

Julio. – *Será mejor que le espere aquí.*

Baronesa. – *Como usted quiera, Julio.* ' X: – Будет лучше, чтобы вы подождали его здесь. / Б: – Как вам будет угодно, Хулио ' [6, p. 287].

В качестве маркеров *морфологического уровня* выступают личное местоимение *vosotros* / *-as* ' вы ', неопределенные местоимения *algo*, *uno*, *algunos*, *otros*, используемые для того чтобы возразить собеседнику.

В разговорной речи происходит смещение внутри категории числа: местоимение *vosotros* замещает местоимение *tú*. Это связано с желанием говорящего манипулировать собеседником.

Mariví. – *Los hombres solos con un piso, un sofá y varias pantallas os volvéis pretenciosos. Creéis que una mujer viene aquí y que ya está todo hecho...*

Alfredo. – *¿Por qué dices eso?*

Mariví. – *Porque te acercas mucho y hace calor...* ' М: – Вы, одинокие мужчины с квартирой, диваном и несколькими абажурами, становитесь хвастливыми. Вы думаете, что женщина приходит сюда и все, дело сделано... / А: – Почему ты это говоришь? / М: – Потому что ты слишком близко придвинулся, а здесь жарко... '[5, p. 481].

Адресант делает намек адресату, обращаясь к местоимению *vosotros*. Через такое обобщение адресант выражает свое отношение к поведению адресата, отсылая его к создаваемой в процессе общения иллюзии общего фонда знаний. Таким образом, адресат оказывается в некотором уязвимом положении, так как на него оказывают воздействие мнением большинства.

Cobrador. – *Bueno, ¿me paga o no? Tengo prisa.*

Pasa. – *¡Ya va, hombre! Se aprovechan de que una no es nadie, que si no...'*

С: – Ну так что, вы мне заплатите или нет? Я тороплюсь. / П: – Ладно, ладно! Пользуются тем, что человек никто, а иначе ... '[3, p. 86].

Адресат высказывания обращается к неопределенности, имея в виду себя. С одной стороны, адресат осознает, что сборщик налогов всего лишь выполняет свою работу и обвинить его в чем-то едва ли возможно. С другой стороны, адресат эксплицирует свое душевное состояние, словно бросая фразу в никуда. Осознавая, что эта фраза не может изменить ход событий, Пака сконцентрирована только на своих переживаниях, своем психологическом состоянии, проявляя тем самым свой эгоизм в диалоге.

В качестве маркера выступают также формы множественного числа существительных.

Adolfo. – *Cabo, no creo que un poco más de coñac nos hiciera daño. Sólo... un poco. Con este frío...*

Cabo. – *Lo poco que bebemos es porque hace frío. Hay que tener cuidado con*

el alcohol. Los soldados no debían beber. He visto a magníficos soldados perder el respeto al uniforme... por el alcohol. ' А: – Капрал, я не думаю, что еще чуть-чуть коньяка нам повредит. Только... чуть-чуть. Таким-то холодом... / К: – То небольшое количество, которое мы пьем, это только из-за холода. Надо быть осторожным с алкоголем. Солдаты не должны пить. Я видел прекрасных солдат, которые потеряли уважение к военной форме... из-за алкоголя ' [7, p. 162].

Реплика адресанта – скрытая просьба, обращенная к старшему по званию. Однако просьба эта не удовлетворяется. Говорящий апеллирует к своему жизненному опыту, который в иерархической системе «старший по званию – младший по званию» не должен ни у кого вызывать сомнений. Этот опыт подсказывает, что в просьбе адресанту следует отказать. Говорящий прибегает к использованию оценочного воздействия. Но это не «лобовое» воздействие, которое в указанной иерархической системе взаимоотношений вполне допустимо, оценка говорящего замаскирована.

Среди грамматических времен глаголов особо продуктивными оказываются Futuro simple / Futuro compuesto, Potencial simple. Они используются для выражения совета / рекомендации, а также для выражения предположения через утверждение.

Marí. – *¿Necesitáis que os suba alguna cosa? ¿Os traigo algo de comer, o café...?*

Abel. – *(A Mauro) Te vendría bien comer algo.*

Mauro. – *Está bien. Tomaremos un café juntos, como buenos hermanos.* ' М: – Вам надо, чтобы я что-нибудь принесла? Принести вам что-нибудь поесть или кофе? / А: – (обращаясь к Мауро) Тебе было бы неплохо поесть что-нибудь. / М: – Хорошо. Выпьем вместе кофе, как хорошие братья ' [8, p. 33].

Использование условного наклонения в утвердительном высказывании маркирует волеизъявление говорящего. Такое волеизъявление связано с субъективным мнением говорящего и направлено на побуждение адресата к определенному действию. Таким образом, акцент делается на позиции адресанта, при этом фактически игнорируется позиция собеседника. Баланс нарушается, но так как это совет, рекомендация, то есть нечто направленное на заботу о собеседнике, то такой дисбаланс не ведет к конфликту.

Ярким маркером *синтаксического уровня* выступает вопросительная форма высказывания. При этом вопрос используется для подтверждения / отрицания запрашиваемой информации.

Rosaura. – *¿Se ha dormido la señora?*

Teresa. – *¿No lo estás viendo? Igual que siempre.* ' Р: – Сеньора поспала? / Т: – Разве ты не видишь? Как обычно ' [9, p. 300].

Диалог происходит между служанкой (Росаурой) и хозяйкой, то есть меж-

ду человеком, находящимся ниже на социальной лестнице, и человеком, занимающим более высокое положение. Адресату явно не по душе такая лидирующая позиция собеседника, хотя в содержании самого вопроса нет ничего оскорбительного. Адресат прибегает к ответу вопросом на вопрос для того, чтобы перехватить инициативу в диалоге.

Вопросительное по форме высказывание может имплицировать развернутый ответ.

Cosme. – *¿Quién puede ser?*

Nuria. – *¿Quién quieres que sea?* ' К: – Кто это может быть? / Н: – И кто ты хочешь, чтобы это был? ' [10, p. 25].

Ответная реплика формально является ответом $\approx$ [*Claro, que es Federico 'Конечно же это Федерико'*]. В то же время адресат перехватывает инициативу в диалоге, беря на себя роль коммуникативного лидера и демонстрируя собеседнику свое превосходство.

Среди риторических вопросов (РВ) в испанском языке привлекает внимание вопрос с *¿Es que...?* 'Неужели...? / Разве?'

Armando. – *Pero ¿qué dices, hombre? Pero ¿qué dices? ¿Es que en España tú no comes?*

Andrés. – *Bueno, más que aquí, sí. Pero yo sé de cada caso...* ' Ар: – Что ты такое говоришь? Что ты говоришь? Неужели в Испании ты не ешь? / Ан: – Ну, больше, чем здесь, да. Но я ведь не знаю о каждом случае... [11, p. 169].

Ответ адресату уже подсказан, и РВ только вовлекает собеседника в рассуждение или переживание, делая его более активным, вроде бы заставляя самого сделать вывод. Значение РВ выявляется путем семантической трансформации. Подобным вопросом адресант передает адресату информацию, связанную со своей собственной позицией в отношении предмета обсуждения: желание услышать подтверждение своей мысли.

Таким образом, проведенный анализ позволил выделить следующие маркеры области нейтральной фатики в испанском языке: на лексическом уровне – имена собственные / обозначение родственных связей, используемые с целью прервать собеседника, глаголы *creer, pensar, suponer* в иницилирующих репликах, выражение *es mejor que / mejor que* для выражения совета; на морфологическом уровне – личное местоимение *vosotros / -as*; неопределенное местоимение *algo, uno, algunos, otros*; формы множественного числа существительных; грамматические времена глаголов *Futuro simple / Futuro compuesto, Potencial simple* для выражения совета, рекомендации предположения; на синтаксическом уровне – вопросительная форма высказывания для выражения подтверждения / отрицания запрашиваемой информации, выражения развернутого ответа.

Литература:

1. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages / B. Malinowski // The Meaning of Meaning / С. К. Ogden, I. A. Richards. – London: Kegan Paul, Thench, Trubner / New York: Harcourt, Brace, 1930. – P. 296–336.
2. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 7–38.
3. Buero Vallejo A. Historia de una escalera // Teatro español actual. La Habana : Instituto del libro, 1970. – 338 p.
4. Aub M. La vida conyugal // Teatro español actual. La Habana: Instituto del libro, 1970. – p. 19–81.
5. Mihura M. A media luz los tres // Teatro completo. Madrid : Catedra, 2009. – p. 463–518.
6. Mihura M. Ni pobre, ni rico, sino todo lo contrario // Teatro completo. Madrid : Catedra, 2009. – p. 233–293.
7. Sastre A. Escuadra hacia la muerte // Teatro español actual. La Habana: Instituto del libro, 1970. – p. 153–224.
8. Alonso de Santos J. L. Trampa para pájaros. Madrid : Sociedad General de Autores de España, 1993. – 52 p.
9. Mihura M. El caso de la mujer asesinadita // Teatro completo. Madrid : Catedra, 2009. – p. 295–353.
10. Mihura M. Melocotón en almíbar // Melocotón en almíbar. Ninette y un señor de Murcia. Madrid : Espasa Calpe, S. A., 2007. – p. 21–123.
11. Mihura M. Ninette y un señor de Murcia // Melocotón en almíbar. Ninette y un señor de Murcia. Madrid: Espasa Calpe, S. A., 2007. – p. 125–235.